

• **Любовный бестселлер** •

Роман

Если любишь —
не сдавайся!

Людмила
Миронина

Свадьба
собаки
на сене

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Художественное оформление серии
Г. Булгаковой

Миронина, Наталия.
М64 Свадьба собаки на сене : [роман] / Наталия Миронина. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Любовный бестселлер).

ISBN 978-5-04-094742-3

С детства сестры Инна и Варя влюблены в Вадима Сорокко. Он красив, умен, прекрасно воспитан — просто мужчина мечты. И он, и его друг Толя Лукин очарованы старшей, Варей. Давая авансы Вадиму и не отпуская его от себя, старшенькая... выходит замуж за Толю. Младшая завидует, страдает — а встретив однажды Вадима, хоть на одну ночь увлекает его в свои объятия... Родается сын, о котором Сорокко ничего не знает. И вдруг, через много лет, этот сын получает странное приглашение в Амстердам. Такое же предложение — участвовать в обнаружении завещания — приходит и Варваре...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094742-3

© Миронина Н., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

В Амстердаме в это время года стоит изумительная погода. Природа в преддверии зимы, ветров и штормов затихает, замирает и радуется неожиданной лаской. И деревья в парках словно готовятся распусться, и трава зеленая выглядит помолодевшей, и воды каналов пахнут не студено, а почти по-летнему — тиной, илом, мокрым песком. В Амстердаме в это время оживленно и празднично — словно все торопится ухватить кусочек счастья в виде солнца. Улицам тесно от кофейных столиков, и велосипеды, словно саранча, оккупировали узкие проходы мостов. В это время Амстердам особенно счастлив. Во всяком случае, на первый взгляд.

В этот день похоронили Вадима Сорокко, а потому в его доме было шумно и весело. С кладбища все вернулись в четыре дня. Раскрасневшиеся от неожиданного солнца и ветра, подуставшие от длинной церемонии, мужчины и женщины с удовольствием теперь осваивали эту маленькую гостиную. Мужчины с бокалами в руках бродили вдоль стен и разглядывали многочисленные фотографии

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

и картины, поочередно громко восклицали, указывая на явно дорогие полотна, смеялись над забавными снимками и пытались прочитать почтовые открытки, взятые в маленькие рамки. Они не делали вид, что опечалены, наоборот, разговоры их принимали все более непринужденный, почти веселый тон. Женщины, которых было большинство, уже сняли темные шляпки, расстегнули строгие жакеты и, удобно расположившись в креслах, громко обсуждали русского, так непривычно обставившего собственную кончину.

— Пожалуйста, подайте мне вот это! — Одна из дам указала на большую сухарницу.

— Это — хво-рост, — пояснила другая, произнося русское слово почти правильно.

— Это у них едят в такой день?! — осведомилась третья.

— Нет, в такой день они едят блины. А это любимое печенье господина Сорокко. У него дома, в России, такое готовили, — пояснила третья со знанием дела.

— Русские очень странные. И забавные.

— Не более чем мы, — рассмеялся кто-то. — Случись кому-то из нас жить в России, нашим привычкам тоже бы удивлялись!

— Да, но все же, все же почему он написал такое завещание? И почему указал, чтобы никто не грустил? Это странно.

— Я думала, что русские — скорее грустные, чем веселые. Во всех фильмах они плачут. И поют.

Свадьба собаки на сене

— Да, плачут по любому поводу.

— Странное сочетание. Петь и плакать, — задумчиво произнесла одна из дам.

Сей же час разговор принял общий характер. Подключились мужчины, да и остальные дамы поспешили вставить свое слово. И гостиная покойного опять наполнилась шумом.

— А вы получали приглашение? — прозвучал вдруг громкий вопрос.

— Да, а как же! Мы все получили приглашения. Мы удивились!

— Еще бы! Приглашения на похороны. От покойника. Это по-русски, думаете?

— Господи, совершенно ни при чем национальность! Сорокко давно здесь жил. Даже дольше, чем некоторые из нас. Здесь другое. Он хотел удивить нас.

— То есть вы думаете, что это — не простая учтивость?

— Где вы встречали учтивость такого рода? Приглашение на собственные похороны.

— Я работал с Сорокко. Он был пунктуален, предупредителен, вежлив. И был очень обаятельным. Кстати, русские — и учтивы, и предусмотрительны. — Один из гостей как бы подытожил разговор.

«Жаль, что не стало такого хорошего соседа», — утвердилось всеобщее мнение о покойном.

Всех этих людей, знавших Вадима Сорокко много лет, ждала печаль и грусть. Печаль, потому что такой умный и приятный, веселый и радушный

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

человек покинул их. Грусть, оттого что, как ни приказывай быть веселым в день прощания, все равно потеря, конец не может не задеть сердце. Почувствуют они это позже, когда пройдут недели, а может, и месяцы. Когда они не встретят его в церкви, не раскланяются на улице, когда партия в бридж состоится без него. Хотя соседи, забывшись, прождут его полвечера.

— У него есть кто-то из родственников? — Вопрос прозвучал не по-европейски заинтересованно. В этих местах обычно лишнего не спрашивали, в чужие дела не вмешивались даже взглядом. Но этот русский был таким странным, таким необычным, таким обаятельным и загадочным, что соседи в этот день позволили себе лишнего.

— В Голландии — никого.

— А с Россией он связь не поддерживал. Во всяком случае, я не помню, чтобы он хоть раз упомянул кого-то, — вспомнила одна гостя.

— Да, совершенно точно. Никогда, — подтвердил еще кто-то.

— Странно! — с каким-то возмущением посмотрел на собравшихся господин в бабочке.

— Что именно?

— Все странно. И эти веселые похороны. И это все... — Господин в бабочке обвел рукой комнату, наполненную разнообразными предметами.

— Не ломайте голову. Он нам никогда уже ничего не расскажет. А мы никогда не угадаем, — рассмеялся его сосед. Его смешок подхватил другой,

Свадьба собаки на сене

потом они вдруг вспомнили забавный случай с участием покойного, а потом подали кофе и бутерброды, и в гостиную наступила уютная вечерняя атмосфера. Казалось, присутствующие уже не помнили, где и как они провели утро.

Озабоченным сейчас выглядел только нотариус Лойк. Ему, как никому другому, было понятно, что сегодняшней вечер совсем не конец. Его практика душеприказчика подсказывала безошибочное — в определенном смысле конец есть не что иное, как начало. Начало не только новых поворотов в родственных и семейных отношениях, но и начало новой, другой, на первый взгляд чужой жизни. Но это только на первый взгляд. «А почему похороны веселые? А что уж плакать, когда поменять ничего нельзя!» Нотариус Лойк даже не заметил двусмысленности этого вывода. Впрочем, своими соображениями он ни с кем не делился. Деликатная профессия превратила его в сейф с мыслями и догадками.

Собравшиеся тем временем все с большим возбуждением вспоминали покойного. И уже было произнесено столько хороших и добрых слов, столько похвал и столько признаний, что, будь покойный живым, его уши горели бы от смущения. Друзья и знакомые словно торопились сделать то, что вполне могли сделать при жизни, да не догадались. Так часто бывает — невозвратность обнаруживает в нас подлинное великодушие и внимание.

Часть первая

УЛИЦА ОРДЫНКА

Друзья и ближайшие родственники

Эта история началась в одна тысяча девять-сот сорок девятом году, когда красавица Маруся вышла замуж за Петра Никаноровича, ученого-химика, профессора одного из столичных вузов и автора многочисленных трудов по проблемам синтеза белковых соединений. Петр Никанорович был статным седовласым мужчиной с красивым открытым лицом. Возраста он был зрелого, близкого к пожилому, но хорошая форма, веселый нрав и тяга к физическим экзерсисам делали его притягательным для дам. Сам Петр Никанорович уже давно никаких дам не замечал, кроме одной — невесты своего ближайшего друга. Невесту звали Марусей, и главными особенностями ее были: нежная кожа, почти фарфоровая, и глаза. Удивительные глаза цвета предгрозового неба. Того самого неба, которое можно наблюдать над московскими улицами в конце июня. Того неба, которое иногда пугает,

Свадьба собаки на сене

иногда изумляет, но всегда вызывает трепет и немой возглас: «Красиво-то как!»

Вот эти самые глаза в первую очередь и сыграли свою роковую роль.

— Я отобью у тебя Марусю! — честно предупредил Петр Никанорович друга.

Петр Никанорович был вообще человеком честным, прямодушным, не терпящим экивоков. Старый верный друг был ему дорог, но глаза цвета летней грозы оказались дороже.

— Попробуй, — флегматично откликнулся друг. — Маруся без пяти минут жена. Моя, моя жена. Прошу это запомнить.

— Отобью. Ты потом не обижайся, — повторил Петр Никанорович и ринулся в бой.

Маруся оглянуться не успела, как полюбила этого огромного и шумного человека. При этом, надо заметить, нрава Маруся была строгого. Видимо, обаяние Петра Никаноровича, его жизнелюбие и честность были очень убедительны.

— Судьба. От судьбы не уйдешь! — твердили все вокруг.

И только Петр Никанорович усмехался:

— Какая там судьба? Обычная человеческая целеустремленность.

Свадьба была такой громкой и пышной, что сотрудникам ресторана «Прага» пришлось дополнительно завезти столовые приборы, скатерти и нанять дополнительно официантов. Платье невеста шила в знаменитом ателье номер пятьдесят. Не-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

виданный тогда французский гипюр и кремовый атлас перемешали, наметали, отстрочили и получили нечто волшебное. Маруся, глядя на себя в зеркало, вспомнила сказку про принцев и принцесс. Впрочем, «принц», Петр Никанорович, был недоволен — к такому великолепию невозможно было подобрать фату и туфли. Но недовольство для него было лишь поводом проявить энергию. Накануне свадьбы жених слетал в командировку на научный симпозиум, который проходил в Праге, и вернулся оттуда с многочисленными положительными отзывами на свой доклад, фатой и туфлями. Гуляли день и ночь напролет, съели килограммы икры и балыка, десятки расстегаев и выпили океан шампанского и массандровских вин. Этакое изобилие было обеспечено тоже женихом. Будучи человеком в годах и безумно влюбленным в свою молодую невесту, Петр Никанорович желал обставить событие как можно достойнее. У него это получилось — в Москве потом еще очень долго вспоминали это торжество.

Через некоторое время семья уже состояла из четырех человек и обживала огромную квартиру в «доме со львами» в районе Ордынки. Дом был построен в том стиле, который потом назвали сталинским ампиром. Здание было величественным — три многоэтажных крыла, три корпуса, соединенные между собой стрельчатыми переходами, словно это был не жилой дом, а замок. Поражали воображение огромные лестничные площадки, овальные окна и

Свадьба собаки на сене

балконы, похожие террасы. Знаменитые каменные львы встречали жильцов у ворот — огромный двор был огорожен вычурным чугунным забором.

— Петя, господи, неужели здесь мы будем жить?! — восклицала Маруся.

— И мы, и наши дети! — отвечал Петр Никанорович и жалобно просил: — Муся, в следующий раз роди мальчика. Я ума не приложу, что делать с девицами. С ними на рыбалку не поедешь и футбол не посмотришь.

Маруся ничего не отвечала. Во-первых, пока она вообще рожать не собиралась, а во-вторых, ее муж, как всегда, приbedнялся. Он отлично справлялся с отцовскими обязанностями. Две дочери, получившие незамысловатые прозвища Старшенькая и Младшенькая, усмиряемые няней, пока громко делили большую детскую, а Петр Никанорович, пытался объяснить им, что теперь они самые близкие люди и никого на свете роднее нет и что поэтому нельзя ссориться из-за ленточек, мячиков и пирожных.

— Девоньки, вы даже не представляете, как вы будете любить друг друга в старости. Вы даже не представляете, как вы дороги друг другу будете. Черт с ними, с этими игрушками. Не ссорьтесь!

Маруся однажды это услышала:

— Петя, они тебя не понимают. Они еще маленькие. Им даже в голову не приходит, что когда-нибудь они будут такими, как мы. Не говоря уже о том, чтобы стать старушками.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Ничего, — упрямо отвечал отец, — пусть усаивают это с малолетства.

Девочки росли, ссорились реже, очень любили отца, чувствуя в нем всепрощающую любовь, и побаивались мать. Маруся воспитывала дочерей и неустанно хлопотала по дому — в помощь ей была предоставлена домработница. Но генеральные уборки Маруся проводила сама, и еще сама штопала белье и шила дочерям платья.

— Муся, все можно достать. И платья, и пальто девочкам, — говорил ей муж.

В те времена «достать» было проще, чем купить. Но Маруся предпочитала одевать детей в оригинальные вещи. Идеальная хозяйка, она еще носилась по городу в поисках люстр, торшеров и приличной мебели — домашний интерьер был предметом особого беспокойства.

— Муся, не волнуйся, все достанем! — опять успокаивал любимую жену Петр Никанорович.

И он не обманывал — интуиция и упорство ученого в нем удивительным образом сочетались с деловой хваткой. Петр Никанорович умудрялся доставать трофейные комоды, лампы и ковры. Ко всему прочему, Петр Никанорович понимал, что годы его не те, чтобы медлить с обустройством жизни. Он добился Маруси, этой красавицы с пепельными волосами и почти фиалковыми глазами. Добился, несмотря на разницу в возрасте. Безумная поздняя страсть не помешала, а может, и помогла, сделать ему еще несколько больших шагов в карьере учено-

Свадьба собаки на сене

го — он стал академиком, депутатом, вошел в различные влиятельные комиссии и комитеты, но все это время он думал о том, что рано или поздно его любимая семья останется одна, без его поддержки. Будучи одновременно человеком и практичным, и душевным, Петр Никанорович мучился от сознания того, что не в состоянии решить наперед все проблемы, с которыми могут столкнуться его любимые домочадцы, когда его не станет.

— Петя, это похоже на идею фикс. Причем не самую безобидную, — говорила Маруся, когда муж начинал вслух вздыхать по этому поводу.

— У тебя отличное здоровье, слава богу. Вон, скоро девчонок будем замуж выдавать! — добавляла она.

Маруся, успокаивая мужа, несколько торопила события. Старшенькая и Младшенькая еще учились в школе. К страхам мужа Маруся старалась не прислушиваться, а вот дочери ее беспокоили. Между ними была небольшая разница в возрасте — неполные три года. Но эта разница сделала их ярыми соперницами. Впрочем, соперничество наблюдалось и в раннем возрасте, но тогда все выглядело вполне невинно. Разве что кукол друг от друга прятали или рев из-за заколки красивой поднимали. Сейчас все обстояло серьезнее. Обе дочери ходили на Марусю, но ее красота меж девочек распределилась как-то странно. Старшенькая была почти некрасивой, но с фиалковыми глазами, а Младшенькая — красавицей, на лице которой си-